

УДК 821.161.1.09

Самофалова Е.А.*Курский государственный университет***САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРА
В ЖЕНСКИХ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА**

Аннотация. Семейная хроника в XIX веке явилась той жанровой формой, которая позволила писателям-женщинам раскрыть основные параметры внутреннего мира автогероини как особого культурно-исторического типа личности, с определённым характером мировосприятия, системой ценностей и моделью поведения. В статье на основе анализа ряда репрезентативных для литературного процесса XIX в. женских мемуаров рассматривается специфика создания авторского «я» в женской мемуарной прозе. Анализируются стратегии самоописания, модели опосредованной самоинтерпретации в женской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XIX в.

Ключевые слова: автор, саморепрезентация, женские мемуары, опосредованная самоинтерпретация.

E. Samofalova*Kursk State University***AUTHOR'S SELF-REPRESENTATION IN WOMEN'S MEMOIRS TEXTS
OF 19TH CENTURY**

Abstract. Family Chronicle in the 19th century was one of the genre form that allowed women writers to reveal the basic parameters of the inner world of auto-protagonist as a special cultural and historical personality type, with a certain character of world-perception, values and behaviors. On the basis of analysis of a number of representative for literary process of the 19th century women's memoirs, the article studies the specificity of creating author's «self» in the women's prose memoir. Several models of self-description are traced in women's memoirs and autobiographical literature of the second half of 19th century.

Keywords: author, self-representation, women's memoirs, models of self-description.

В современных литературоведческих исследованиях женские мемуары всё чаще воспринимаются как способ познания себя и мира, отражение личностного эмоционального опыта автора. Они позволяют судить о представлениях и ценностях, психологии и мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах женщины, реконструировать основные этапы её жизненного пути, выявить гендерные особенности её менталитета.

В XIX веке семейная хроника явилась той жанровой формой, которая позволила писателям-женщинам раскрыть основные параметры внутреннего мира автогероини как особого культурно-исторического типа личности, с определённым характером мировосприятия, системой ценностей и моделью поведения, хотя в

семейной хронике личность мемуариста осмысливается не в узко-биографическом времени жизни, а в более широком временном контексте жизни семьи, частью которой он себя ощущает.

Структура повествования в семейных записках отражает действие двух начал: родового и индивидуально-личностного. Первое проявляется на уровне «матрицы», положенной в основу построения рассказа. Это обусловлено тем, что жанр семейных записок в принципе опирается на структуру родословной, представляя собой её своеобразное развертывание.

На первый взгляд, традиция, вписывая поведение человека в устоявшуюся систему ценностей, регламентируя его жизнь, размывает личностное начало, происходит некоторая деперсонализация человека. Все устойчивые объективные качества героя, его социальное положение, душевный облик и даже наружность обусловлены уровнем его связей с патриархальным миром. В то же время в автобиографической прозе XIX века «я» повествователя в его прошлом начинает последовательно интерпретироваться как объект авторского внутреннего зрения, что свидетельствует о последовательной самообъективации.

В большинстве женских автобиографий XIX в. внимание обращено не только на внешние события в жизни, но и на внутреннюю жизнь автогероини: переживания по поводу различных событий в жизни семьи, отношений с мужем, родными, знакомыми, размышления о прочитанном и т. д.

Объясняя причины обращения к воспоминаниям, писательницы в том числе акцентируют и желание раскрыть свой внутренний мир, истоки

нравственного самосознания. Так, Е.А. Сабанеева последовательно восстанавливает, как «сложился весь строй и порядок моего нравственного бытия»: «теперь, когда я вспоминаю для своих записок воспоминания детства, то слежу шаг за шагом за развитием моих чувств, мыслей, симпатий и антипатий, сложившихся у меня под влиянием этих впечатлений моего детства» [7, с. 9].

Строя воспоминания как собственное последовательное жизнеописание, Т.П. Пассек также создаёт образ автобиографической героини как формирующегося женского «я». Такую сосредоточенность мемуаристки на изображении процесса собственного духовного развития отмечает Г.Е. Благосветлов, анализируя её воспоминания: «Во всей этой семейной хронике в самом светлом и симпатичном виде выступает сама авторесса», которая «сохранила так много хорошего, такую нежность чувств и благородство характера», «возвышенные черты» [1, с. 38]. Первый издатель текста А.Е. Лабзиной тоже отмечает, что мемуаристка, «по-видимому, думала только о том, чтобы возможно полнее обрисовать свою внутреннюю жизнь» [4, с. XXIII].

Способами самораскрытия образа автобиографического героя являются автохарактеристика, оценка окружающего мира и социально-культурных феноменов. Личностно значимые образы (топосы дома, усадьбы, природного мира, образы родителей, дворовых людей) способствуют раскрытию образа «я», выявлению психологических процессов, которые сыграли значимую роль в формировании личности самого автора.

В текстах воспоминаний не так много случаев прямой саморепрезентации. Те немногочисленные эпизоды, где повествовательница комментирует и описывает собственные эмоции, связаны с воспоминаниями об испытанных ею в детстве и юности чувствах страха, горя, скуки одиночества, то есть с такими детскими эмоциональными травмами и стрессами, о которых автор, вероятно, не может не упомянуть, но которые не стремятся комментировать. Особые эмоции (волнения, страха, наслаждения) вызывают воспоминания о первом бале: «Я истинно в эту минуту чувствовала себя на седьмом небе... От грому музыки, от блеска освещения у меня кружилась голова. <...> Словом, я была в совершенном восторге, и приятные впечатления этого чудного бала долго сохранялись в памяти моей» [2, с. 336]; «Я замирала от волнения до того, что, войдя в залу, ничего не могла отличить ясно <...> Я была в упоенье, я была счастлива» [6, т. 1, с. 211].

В главах воспоминаний о детстве и юности обычно довольно много описаний природы, эти воспоминания красочны и ассоциативны, через них мемуаристки изображают собственный эмоциональный мир. Так, в воспоминаниях С.В. Капнист-Скалон память сохранила прогулки с няней, запах смородинового чая, детские проказы и обиды. Живые картины первых ощущений от соприкосновения с природой переданы красочно и эмоционально: «О! Какая радость это было для нас, с каким восторгом мы шуршали листьями под ногами нашими и летали между лесом и кустарниками!» [2, с. 283]

В описании окрестностей Обуховки украинский провинциальный деревен-

ский пейзаж изображается как своё, свободное, приватное пространство. Самоотождествление героини с тёплым, гармоничным, соприродным началом характерно и для детских впечатлений Пассек: «Я любила слушать, <...> как птички поют. Как роща шумит, сосна скрипит под ветром, дятел долбит дерево; засматривалась, как солнце кроется за речку, как заря румянит небо <...> Величественные картины божьего мира и простота окружившей меня жизни отпечатлевались в детской душе моей, я не признавала их, но уже чувствовала и любила» [6, т. 1, с. 98-99]. И позже душевные движения, ощущение жизни проецируется на природный мир, подпитывается состоянием природы: «Перед окном находился цветник, а за ним виднелись пустынные поля, – тоскливее этого вида и этого цветника трудно что-нибудь себе представить <...> Такая же безотрадная жизнь, как цветник и окружавшая меня природа, потекла для меня в Наквасине» [6, т. 2, с. 206]. И совсем другое настроение в Васильевском, с которым героиню связывают воспоминания детства: «Жизнь ранних лет обступала меня. Я смотрела на все с тем чувством нежности и умиления, с которым смотрим на портрет милого нам младенца <...> Мы прожили в Васильевском до августа, не замечая жизни, мы жили – и только. Природа, прошедшее, настоящее – всё как бы сосредоточилось в одной точке и билось одним пульсом жизни с нами». «Прелесть места, глубокая тишина, воздух полей возбуждали в нас чувство безотчётного счастья» [6, т. 2, с. 10-11].

О формирующем начале природного бытия пишет Е.А. Сабанеева: «Чем скупее природа на свои красоты, тем глубже впечатление, которое они оставляют. <...> Эти реки, эти рощи,

эти просёлочные пути, по которым мы езжали тогда с родителями, оставили во мне столь глубокие впечатления, что из них, как из нитей, соткалось плотно всей моей нравственной природы. Для меня ясно, что на этой почве родились и выросли в душе моей привязанность к родине, к народу, к церкви; эти нити и впечатления детства дали направление всему содержанию моей жизни» [7, с. 9].

Бескрайнее пространство степи, поля ассоциируется для многих авторов воспоминаний со свободой, естественностью самовыражения, индивидуальностью поведения. Противопоставление светского и индивидуального, естественного метафорически выражено через природные образы, например, в «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет. «Я никогда не любила сад, – признаётся она, – а любила поле; не любила салон, а любила уютную комнатку, где незатейливо говорят, что думают <...> Дитя любит более всего свободу: ему не нравится условное; как бы ни был красив, хорошо устроен и украшен сад, ребёнка тянет за решётку, в поле, на простор, где природа сама убирает поле в незатейливый, но вечно разнообразный наряд» [8, с. 544].

Н.С. Соханская, заявлявшая: «я люблю природу, как праотцы наши любили пить мёд. Люблю зиму, как Русская; люблю весну и лето, как праздник и роскошь любимой природы, и я люблю, люблю, когда идёт пожелтелая осень» [9, с. 190-191], также позиционирует себя через степное открытое, свободное, своё пространство.

Описание внешности автогероини в мемуарах появляется редко и как бы случайно, как, например, у Пассек: «...бесцельно бродила по комнатам,

останавливалась перед зеркалами, любовалась своим свежим румянцем, карими глазами, тоненькой талией, сама себе улыбалась» [6, т. 2, с. 206]. Гораздо чаще в мемуарных текстах женщины говорят о себе не прямо, а косвенно, характеризуя себя через других действующих лиц.

В большинстве женских текстов собственная жизнь героини рассказана как часть истории семьи, где преемственность семейных традиций определяла модель поведения человека. Поэтому такие оценки портретируемых, как «заботливая мать», «верная жена», «хорошая хозяйка», представляют важные для женщины роли. Так, Елене Ивановне Капнист, урожденной Муравьевой-Апостол, Скалон даёт безупречную с точки зрения патриархальной традиции характеристику: она «была отличной матерью, доброй женой и истинно добродетельной женщиной» [4, с. 347]. Подобного рода формулы то и дело встречаются в описании ближайших родственниц – бабушки, матери, няни.

Каждой из мемуаристок свойственно пристрастное восприятие личности портретируемых современников, которое обуславливает не только внутренний пафос воспоминаний, но и угол освещения изображаемых лиц, выбор нужной интонации. «Во всей его фигуре было что-то дерзкое, вызывающее; лицо матовой белизны особенно неприятно поражало при коротких, курчавых, чёрных волосах. Мне он был антипатичен», – пишет Пассек о М.А. Бакунине [6, т. 2, с. 98], и совсем иная интонация в характеристике их с Сашей учителя: «Маршал принадлежал к числу людей с характером ровным, светлым, любовь которых не

сжигает, а греет. Кроткий, тихий, он был до того нравственен, что краснел в пятьдесят лет и напоминал собою ясный летний вечер» [6, т. 1, с. 241].

Портретная характеристика создаёт подчас отчётливое представление о личности автора воспоминаний, его взглядах, симпатиях, антипатиях, заставляет видеть в мемуарах отражение собственной жизненной позиции. Н.И. Мердер, характеризуя их общую со Скалон родственницу Веру Николаевну Воейкову, выделяет прежде всего черты её духовного облика: «Такой сердечной доброты, заботливости, ласкового внимания и простоты, при блестящем образовании, широком уме и благородстве чувств и мыслей, я даже и представить себе не могла. Не только аристократического чванства, но и сознания своего превосходства над окружающим её людом не было в ней ни единой капли». Но это описание позволяет говорить и об автохарактеристике мемуаристки: «ей я обязана русскими духовными началами, которые с летами не только не рассеивались, но всё крепче и сознательнее развивались в моей душе» [3, с. 402, 405].

В семейной хронике часто эпически развёрнутое описание заменяется фрагментарным, многократно «рассыпанным» в тексте, но и по фрагменту сохраняющим целостность портретного изображения. Порой для воссоздания образа героя достаточно наметить его место в потоке семейной жизни. Если в начале знакомства С.В. Энгельгардт пишет о Щербине: «трудно было даже определить с первого взгляда: умен ли он на самом деле, корчит ли шута или смеётся болезненным смехом над собой или другими», то далее читаем: «Я вскоре могла определить его личность,

да это было и не трудно при сближении с ним. До крайности раздражённый, нервный до болезненности, Щербина не умел ни лицемерить, ни скрываться с друзьями. За его колким злым остроумием, за жёлчными шутовскими выходками скрывалось мягкое и горячее сердце, которое напрашивалось на сочувствие» [5, с. 85-86].

Как видим, изображение других лиц, с их оценочными характеристиками, включающими обозначения нравственных качеств человека, эмоциональные состояния, являются значимыми признаками и самообъективации автобиографического героя, приёмом психологического самоанализа. В том, какие черты своего героя стремится раскрыть писатель, в том, что является для него приоритетным в создаваемом образе, ярко проявляется его собственная личность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Г.В. [Г.Е. Благовосветлов] Есть ли о чём вспоминать нам? («Из дальних лет воспоминания» Т.П. Пасек. Т. II. Спб., 1879) // Дело. 1880. № 2. С. 38–49.
2. Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века / сост. Г.Н. Моисеева М.: Современник, 1990. С. 282–388.
3. Мердер Н.И. Из далёкого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова) // Исторический вестник. 1909. Т. СХVНІ (11). С. 400–420.
4. Модзалевский Б.Л. Предисловие // Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной (1758–1828) / предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Книгоиздательство «Огни», тип. Б.М. Вольфа. 1914. С. I–XXIV.
5. Ольга Н. [С.В. Энгельгардт]. Из воспоминаний // Русское обозрение. 1890. Т. 6. № 11. С. 85–86.

6. Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания: В 2 т. Серия литературных мемуаров М.: Художественная литература 1963. 520с+792с.
7. Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом. Из семейной хроники. 1770–1838.М.: ГПИБ, 2011. 150 с.
8. Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма / сост., вст. ст. и прим. Ю.Н. Лубченкова. М.: Изд-во Правда, 1990. 544 с.
9. Соханская Н.С. [Кохановская Н.С.] Автобиография. Со вступительной статьёй и под редакцией С.И. Пономарёва. М.: Университетская типография, 1896. 193 с.